

Новое конкретное содержание темы не укладывается ни в оду, ни в эклогу. Чулков обращается к новелле. «Письмо странствующего молодца» в 4 неделе «И то и сьо» отнюдь не романтическая история — это описание уголовного дела. Сын богатого купца, наскуча боями в родительском доме, где он жил больше невольником, нежели сыном, «посетил шкатулку родителя и поубавил из нее несколько тягости». Он сейчас же уехал за границу; к нему вошел в дружбу некий плут. Вместе с аферисткой, назвавшейся его женой, он подпоил купчика и заставил его подписать вексель на 300 р. Эти деньги пришлось заплатить через суд.

Во второй неделе Чулков рассказывает похожую биографию. «Некто гражданин» имел сына, горячо стремившегося к наукам. Скупой отец, вместо книг, угощал его ремешком плетью. «Расплаканный» после побоев, «молодчик» ограбил родительскую кассу, взял 500 рублей и импералов и уехал в Киев. Там он достал учителя и обучился всему, чему хотел — латинскому, греческому, французскому, немецкому и итальянскому языкам. «Одним словом, детина сделался столько разумен, что и сто рублей ему не цена».

«От препятствия возрастает в людях охота», — говорит Чулков и одобряет такой путь овладения наукой. А вот странствующий молодец не умел истратить свои деньги на образование. Просвещение молодежи, порицание недальновидных родителей — такова мораль из рассказов Чулкова.

Но мораль эта подается незаметно, ненавязчиво, не в виде проповеди; новеллы Чулкова щедро снабжены бытовыми подробностями, так же, как многие повести «Пересмешника» и «Пригожая повариха». Часть эпизодов, несомненно, носит автобиографический характер («Был некто гражданин» — 2 неделя, рассказ об учении в 42 неделе). Язык Чулкова, бойкий и острый, напоминает разговор. Он осознает свою связь с бытом и подчеркивает ее.

3

Ряд исследователей русской журналистики, начиная с Афанасьева и Булича, отмечали, что в журнале «И то и сьо» сатирический элемент не столь заметен, как в «Смеси» и «Трутне». В журнальном обозрении «Московского Телеграфа» за 1827 г. (ч. XVIII, стр. 85) журнал «И то и сьо» назван «легким литературным», в противоположность «сатирическим изданиям» — «Адской Почте», «Живописцу» и др. И это безусловно верно. Ничего похожего на знаменитую переписку Фалалея с родными в «Живописце» или переписку старосты с барином и сатирические извещения «Трутья» — мы у Чулкова не встретим. Далека от него также глубокая и умная сатира «Адской Почты». Наболевших общественных вопросов Чулков в своем журнале не касается. Его полемический пыл обращен в сторону литературных противников. Он воюет против «плохих стихотворцев», высмеивает их всеми, подчас очень грубыми, средствами. За этой, на первый взгляд, отвлеченной полемикой стоит острая литератур-